

У. Цецегдарь

Тывинский государственный университет, Кызыл

Система падежей в речи ховдинских тувинцев

Аннотация: В статье выявляются отличительные особенности падежной системы языка ховдинских тувинцев от системы падежных форм литературного тувинского языка.

Ключевые слова: ховдинские тувинцы, язык, речь, система, падеж, аффикс, семантика.

Язык тувинцев, проживающих на территории Кобдо (Ховда) Монголии, имеет несколько отличается от литературного тувинского языка, распространенного на территории Республики Тыва.

В данной работе описывается система падежей в речи ховдинских тувинцев (ХТ) и выявляются их отличительные особенности по сравнению с падежными формами литературного тувинского языка как в форме выражения, так и в значениях.

В литературном тувинском языке падежная система представлена следующими падежами: адаарының (именительный), хамаарыштыларының (родительный или притяжательный), бээриниң (дательный), онаарының (винительный), тураарының (местный), үнериниң (исходный), углаарының (направительный).

Систему падежей ховдинских тувинцев составляют:

Именительный падеж. Именительный падеж, как и во всех тюркских языках, не имеет специально выраженной формы.

Родительный падеж. Форма выражения родительного / притяжательного падежа в речи ховдинских тувинцев полностью совпадает с литературным языком, различается лишь фонетическими вариантами: 1) – *тың* – в. лит. – *туң*, где вместо огубленного заднеязычного у произносится неогубленный ы:

Кара баиштыг орустың тергенинге каап черинге оришуткан лит. *Кара баиштыг орустун тергезинге салып алгаи, ажаапкан* ‘Похоронили, увезя на телеге темноволосого русского’.

2) – *ның* – в. лит. – *нуң*: *Уруумның адазы дарган ус кижжи.* лит. *Уруумнуң ачазы ус дарган кижжи* ‘Отец моей дочери искусный кузнец’.

3) – *дың* – в. лит. – *дуң*: *Саатын деп моолдың кагган ады.* (лит. *Саатын деп атты моолдар адап каан.*) ‘Название Цаатан дали монголы’.

В форме родительного падежа местоимения первого лица множественного числа *бис* ‘мы’ происходит морфологически немотивированное оформление аффиксом множественного числа (встречающееся в других тюркских языках, ср. узб. *бизлер*, после которого следует гаплогическое повторение аффикса родительного падежа: *бис-тиң-нер-ниң* ‘наших, нас’ (в литературном ей соответствует морфологически закономерная форма *бис-тиң*).

Бистиңнерниң ук түүхүвүсте хамнар турган. Лит. *Бистиң ук төөгүвүсте хамнар турган* ‘У нас в роду были шаманы’.

Отличия от литературного тувинского языка в том, что в нем имеется 6 вариантов аффиксов, включая огубленные, а в речи ховдинских тувинцев – 3 варианта (без огубления).

Винительный падеж. Форма выражения винительного падежа совпадает с литературным языком, различаясь лишь фонетическими вариантами: *өшкү* – *өшкүни* (вм. лит. *өшкүнү* ‘козу’), *дүгүңни*, вм. лит. *дүгүңни* ‘твою шерсть’, орукты лит. орукту ‘дорогу’, дугууны лит. дугуйну ‘колесо’.

В речи ховдинских тувинцев в винительном падеже не сохраняется губная гармония в вариантах аффикса винительного падежа.

Дательный падеж. В образовании дательного падежа есть существенное морфонологическое отличие от литературного тувинского языка. Наряду с обычными стандартными морфами *-ка*, *-ке* (после основ на глухие согласные) и *-га*, *-ге* (после основ на долгие гласные и сонорные согласные, кроме -м) здесь выступают морфы *-ба*, *-бе* после основ на сонантные: *хембе* ‘к реке’, *хамба* ‘к шаману’, *чембе* ‘к пище’. Ср. в литературном: *хемге*, *эжимге*, *акымга*, *хамга*, *чемге*.

Такое употребление также наблюдается после аффиксов принадлежности 1-го лица единственного числа: *агамба* ‘к брату’, *агаларымба* (*ага=лар=-ым=ба*), *акыларымга* ‘старшим братьям’, *чуртумба* (*чурт= -ум=ба*) *чуртумга* ‘стране’, *экчимбе* (*экч=им=бе*), *угбамга* ‘старшей сестре’. *эжимбе* ‘к другу, к подруге’.

Черле эжимбе барайн – деп даъгый чоруп каан ‘Нет уж, пойду-ка я к другу, – сказал он опять и пошел за другом’.

Аналогичную особенность ассимилятивных вариантов морфемы винительного падежа зафиксировал Ш.Ч. Сат в Тере-Хольском диалекте: *көөрүмге* > *көөрүмбе*, *чанымга* > *чанымба*. [Сат, 1987, с. 64], – а также в эрзинском и тесхемском диалектах тувинского языка, где вместо звонкого *б* выступает глухой *-п* (*-мге* > *-мбе* > *-мпе*): *көөрүмпе* ‘смотрю’, *уруумпа* ‘моей дочери’ [Сат, 1987, с. 55].

Местный падеж. Все формы данного падежа полностью совпадают с формами современного литературного языка.

Исходный падеж. Наличие исходного падежа с его показателями *-тан*, *-тен*, *-дан*, *-ден* отмечено в позднем тюркском праязыке. [Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 85–86].

Форма исходного падежа в речи ховдинских тувинцев употребляется без изменений и значения остаются такими же, как и в литературном, но с добавлением еще одного фонетического варианта *-нан*, *-нен*.

Образуется форма при помощи аффиксов – *дан* // *-ден*; *-нан*, *-нен* – после основ, оканчивающихся на гласные и на согласные *г, й, р, л, м, н, ң*: *ай-дан* ‘из месяца’, *хүн-ден* ‘из (от) дня’, *соңга-дан* ‘из (от) окна’, *чер-ден* ‘из (от) земли’, *хову-дан* ‘с поля’, *Сенгил-ден* ‘из Сенгила’; *Он сес чаптыымдан тура дарган ажылын кылган мен*. Лит. *Он сес харлыымдан тура дарган ажылын кылган мен*. ‘С восемнадцати лет я занимался работой кузнеца’. *Ону төзүн холдан чазап алып*. Лит. *Ону шуптузун холу-биле чазап алып*. ‘Это все строгают руками (при помощи рук)’.

Чүс кижинен бир кижини карыыдатбайн тур. лит. *Чүс кижиден бир кижини даа чидирбейн тур*. ‘Не теряет ни одного человека из ста’.

Ол ужурнан Хомдуга келген тыва ий. лит. *Ол ужур-биле Хомдуга келген тывалар ийин*. ‘По этой причине тувинцы прибыли в Ховд’.

Аффиксы *-тан* // *-тен* прибавляются к основам слов на глухой согласный: *аът-тан* ‘с (от) коня’, *үс-тен* ‘из (от) масла’, *оът-тан* ‘из (от) травы’. *Иитин сөмүн пөстен база шуглаар*. лит. *Иитин шуптузун пөс-биле база шуглаар*. ‘Всю внутренность покрывают материей’.

Чептен-не хулүүр. Лит. *Чеп-биле-ле шарыыр*. ‘Привязывают веревкой (при помощи веревки)’.

В ряде языков этот же падеж употребляется со значением удаления от чего-либо с помощью орудия действия. По мнению многих филологов, в том числе

Ш.Ч. Сата [Сат, 1987, с. 90], Д.А. Монгуша [Монгуш, 1983, с. 127–145], этот падеж можно рассматривать как самостоятельный орудный падеж.

В оформлении данного падежа участвуют аффиксы (-нан /-нен после гласных и сонорных -м, -н, -ң, -р, и -г в конце форм), вместо фонетических вариантов литературного языка – *дан /-ден, -тан /-тен*. Это явление наблюдается и в речи жителей сут-хольского [Сегленмей, 1983, с. 146–158], кара-хольского юго-восточного говора [Сат, 1987, с. 33, 47], также замечено в речи коренного населения западных кожуунов, о чем свидетельствуют труды М.Д. Доржу [Доржу, 2002, с. 43]. Такое употребление наблюдается во многих тюркских языках.

Орустың тыгъвазынан соңгаар чоругаи, Сеңгилге баргаи, Сеңгилден Көк-Догайдыа ашкааи, аа амыдырап турган. ‘Ушедши из «русской Тувы» и перевалив Кок-Догай, они приехали в Цэнгэл и остались там жить’.

Орудный падеж. Наиболее яркой отличительной чертой речи ХТ является материально совпадающий с исходным падежом орудный падеж, который также оформляется фонетическими вариантами *-нан -нен*. Основное его значение – обозначение орудия действия, что существенно отличает его от литературного языка, где в данном значении употребляется послелог *-биле; теве-нен көжер* ср. лит. – *теве-биле көжер* ‘кочевать с помощью верблюда’; *балды-нан чарар, ср. лит. балды-биле чарар.* ‘рубить дрова топором’.

Ынчан мешээн, техинек чок теве-нен чораан. лит. Ынчан машина, техника чок теве-биле чораан. ‘Тогда машины, техники не было, передвигались на верблюдах’.

Одно из значений соответствует семантике словообразовательного аффикса -ла современного тувинского языка в значении ‘говорить / петь на каком-либо языке’: *Тыва-нан хоочулап чыдыр.* лит. *Тыва-ла-п чугаалап тур* ‘говорит потувински’, *англи-нен ырлап турар* лит. *англий-ле-п ырлап турар* ‘поет по-английски’.

В диалекте тувинцев Северо-западной Монголии после гласных и сонорных согласных -н, -р в конце слова прибавляется *-нан, -нен*. [Сат, 1987, с. 90; Монгуш, 1983, с. 127–145].

В якутском языке выделяется орудный падеж [ГСЯЛЯ, 1982, с. 137], как орудный называет этот падеж Ш.Ч. Сат [Сат, 1987, с. 90]. Отмечен этот падеж и в хакасском языке [Серебренников, Гаджиева, 1986, с. 86].

А.М. Щербак выделил так называемый орудный или «творительный» падеж, вместе с которым в общетюркской системе насчитывалось 8 падежей. [Щербак, 1977, с. 61] В хакасском языке *палта-нан* ‘топором’; *кр.-тат. Ата-нан* ‘лошадью’.

Направительный. В литературном тувинском языке отмечают две формы, передающие направленность действия в сторону какого-либо предмета или объекта: *-дыва / -дыве, -че / -же*. Самый продуктивный показатель направленности тувинского литературного языка аффикс *-че / -же* в речи ховдинских тувинцев совершенно не употребляется.

1. Продуктивной формой направленности в речи ХТ является аффикс *-дыва / -дыве* (после гласных и звонких согласных) и *-тыва, -тиве* (после глухих согласных), например: *өгдыве кирер* ‘зайти в юрту’, *хемдыве баар* ‘пойти к реке’, *авамдыва баар* ‘пойти к маме’, *сургуулдыва чоруур* ‘идти в школу’, *чердыве салыр* ‘класть на землю’, *оолдыва көөр* ‘смотреть на мальчика’, *айдыва кайгаар* ‘глядеть на луну’, *сендыве көөр* – смотреть на тебя, *сүттыве кудар* – ‘налить в молоко’, *чурттыва чанар* – ‘ехать на родину’.

Варианты аффикса с огубленными гласными *-дува, -дүве, -тува, -түве*, применяемые в литературном языке, в речи жителей Монгун-Тайги и Бай-Тайги [Бабушкин, 1961, с. 249-252; Доржу, 2002, с. 93], в речи ХТ не фиксируются.

Өгни тигерде, так хүн үнер чуктиве көргүзе хаалганы оруннаткаш, терме-висти дугуулай бээр бис ‘Устанавливая юрту, мы обязательно направляем дверь строго на восток, затем устанавливаем по окружности стены юрты’.

2. Наряду с вышеописанной формой направленности на –дыва /-дыве нами наблюдались единичные случаи употребления послелога-аффикса -гыды // -гуды: байшынгуды ‘к дому’, өггиди ‘к юрте’. Возможно, имело место применение послелога куду ‘вниз, по’. Этот же показатель направленности из числа диалектов Тувы наблюдается в тоджинском [Чадамба, 1974, с. 98], фонетические варианты –гыды, -гиди – в речи бий-хемцев, -гыды – каа-хемцев (хемгиди, даггыды). В северо-восточном диалекте – -гыды (-гиди, -гуду) дээргиди *вм. лит. дээрже, Кызыл-гыды вм. лит. Кызылче* [Сат, 1987, с. 43, 71, 79].

Выводы:

1. Система падежей речи ховдинских тувинцев почти полностью совпадает с литературным тувинским языком, вместе с тем имеются диалектные отличия как в фонетических вариантах аффиксов, так и в семантике исходного падежа.

2. Формально исходный падеж совпадает с орудным падежом, который также включается систему падежей, насчитывающую 8 позиций.

3. В винительном и родительном падежах в речи ХТ отсутствуют варианты с губной гармонией.

4. Дательный падеж в речи ХТ имеет 6 вариантов аффиксов, что совпадает с некоторыми диалектами литературного тувинского языка.

5. В направленном падеже в речи ховдинских тувинцев форма на -че полностью отсутствует, а в форме -гыды нет губной гармонии.

Литература

Аранчын Ю.Л. Новые этнографические и филологические материалы из Северо-Западной Монголии // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. XVII. Кызыл, 1975.

ГСЛЯЯ – Грамматика современного литературного якутского языка. 1982.

Доржу М.Д. Бай-тайгинский говор в системе диалектов тувинского языка. Кызыл, 2002.

Монгуш Д.А. О языке тувинцев Северо-Западной Монголии // Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983.

Сат Ш.Ч. Тыва диалектология. Кызыл, 1987.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М., 1986.

Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка. Кызыл, 1974.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Л., 1977.